

2. «Славянофилы» и «западники»

Спор «западников»-либералов и «славянофилов»-консерваторов начал возобновляться в 50-е гг. XX в. в виде дискуссии «физиков» и «лириков» — технократов-прогрессистов и поклонников эстетических и этических начал общественной жизни. На практике в этом споре победили «физики», ибо на их стороне была логика индустриального общества. «Спор между физиками и лириками, который, казалось бы, должен был подогреть физиков духовным светом, а лирикам явить лицо реально изменившегося мира и закончиться к общей пользе, в действительности же из аудиторий перешел на рабочие площадки и из точки зрения превратился в способ действия... — считает Г.Распутин. Не прошло и двадцати лет, как симпатичный “физик”, напоминавший гусара, вырос в опасного и самовластного технократа, ловко лавирующего между долгом, целью, выгодой и моралью»¹⁷. Но последствия победы «физиков» вызвали ответную реакцию — недовольство низкой эффективностью хозяйства, экологическими и нравственными издержками индустриальных рынков. «Физики» также составляли немалую часть недовольных, справедливо указывая на связь неэффективности экономики с социально-политическим устройством, то есть с «гуманитарными» недостатками.

Если большинство «физиков» в силу технократизма тяготели к либеральному западничеству, то «лирики» группировались вокруг литературных и искусствоведческих кругов, что для многих из них предопределило эволюцию к почвенничеству. Почвенничество важно отличать от официальной державности — многие почвенники видели в гигантской Империи угрозу национальной культуре.

Еще в 1966 г. им удалось добиться создания Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК), которое позволяло не только на легальной основе протестовать против строительного варварства, но и обсуждать под «крышей» общества философские и социально-культурные проблемы, выходящие за рамки официальной доктрины. Большую роль в пропаганде патриотических взглядов имела писательская трибуна. Это не значит, что Союз писателей был захвачен славянофилами, но здесь они сохраняли позиции, утерянные писателями-западниками, склонявшимися к диссидентству, особенно после 1979 г.

Рупором почвенничества были писатели-«деревенщики». Умело обходя острые социальные вопросы, они сохранили за собой массовую трибуну, а вместе с ней и роль лидеров легальной «оппозиции его величества». Особенный резонанс в это время вызывает творчество писателей-«деревенщиков» и близких к ним авторов почвеннического направления —

В.Астафьева, В.Распутина, В.Белова, Ю.Бондарева, В.Солоухина и не дожившего до Перестройки Ф.Абрамова.

АСТАФЬЕВ Виктор Петрович

1924 г. рождения. Был беспризорником, воспитывался в детском доме. Учился в железнодорожной школе, в 1942—1945 гг. в армии. В 1945—1951 гг. работал дежурным по вокзалу станции, кладовщиком, слесарем, подсобником, вахтером. Посещал литературный кружок при газете «Чусовской рабочий». В 1951 г. начал печататься. В 1951—1955 гг. работал в газете «Чусовской рабочий». Закончил Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А.М.Горького. С 1958 г. — член Союза писателей СССР. В 1989—1991 гг. — народный депутат СССР. В 1991 г. — секретарь правления Союза писателей СССР. Автор произведений «До будущей весны», «Кража», «Царь-рыба» и др.¹⁸

БЕЛОВ Василий Иванович

1932 г. рождения. Работал колхозником, учился в школе ФЗО в 1949 г. В 1949—1952 гг. работал столяром, мотористом, электромонтером. Служил в армии в 1952—1955 гг. В 1955—1956 гг. работал столяром. Член КПСС в 1956—1991 гг. В 1956—1958 гг. литературный работник районной газеты «Коммунар» в Вологодской области. В 1958—1964 гг. — первый секретарь райкома комсомола. В 1988 г. — секретарь правления Союза писателей СССР. В 1989—1992 гг. — народный депутат СССР, член Верховного Совета СССР (1989—1990 гг.). Член ЦК КПСС в 1990—1991 гг. Член оргкомитета Фронта национального спасения в 1992 г. Автор произведений «Кануны», «Моя жизнь», «Лад. Очерки о народной эстетике» и др.¹⁹

РАСПУТИН Валентин Григорьевич

1937 г. рождения. Закончил Иркутский государственный университет. Работал журналистом до 1966 г. Секретарь правления Союза писателей СССР и РСФСР (1986—1992 гг.). В 1989—1992 гг. — народный депутат СССР. В 1990—1991 гг. — член Президентского совета СССР. В 1992—1993 гг. сопредседатель Думы Русского национального собора. Сопредседатель Фонда славянской письменности и славянских культур. Автор произведений «Деньги для Мариш», «Прощание с Матерой», «Пожар» и др.²⁰

БОНДАРЕВ Юрий Васильевич

1924 г. рождения. Участник войны. Закончил Литературный институт им. А.М.Горького. Печатается с 1949 г. Секретарь правления Союза писателей РСФСР в 1970—1971 гг. Секретарь правления Союза писателей СССР в 1971—1990 гг. Заместитель председателя Совета национальностей Верховного Совета СССР в 1984—1991 гг. Член КПСС в 1944—1991 гг. Член ЦК КП РСФСР в 1990—1991 гг. Председатель правления Союза писателей РФ с 1990 г. Один из авторов сценария фильма «Освобождение». Автор произведений «Тишина», «Горячий снег», «Батальоны просят огня», «Игра» и др.²¹

СОЛОУХИН Владимир Алексеевич

1924 г. рождения. Закончил Владимирский механический техникум, после чего до конца войны служил в армии. Занимался в литературном объединении. В 1953 г. вышел первый сборник стихов. Закончил Литературный институт им. А.М.Горького. В 1964 г. опубликовал статью «Диалог», в которой в завуалированной форме критиковал ситуацию, сложившуюся в советской деревне и излагал позицию направления, позднее получившего название «деревенщиков». Автор произведений «Мать-мачеха», «Приговор», «Письма из русского музея», «Время собирать камни» и др. Председатель совета Фонда восстановления Храма Христа Спасителя²².

Славянофилы находят свою конструктивную программу в культурном потоке, который одновременно — и социальная преемственность. В.Солоухин в своих эссе, напрашиваясь на официальную критику, возвращается к славянофилам прошлого века и рассуждает о роли Бога и монастырей в отечественной культуре. «Наш современник» рукою Ю.Селезнева (вслед за В.Кожинным и С.Семановым) выстраивает единую линию шестисотлетней борьбы русской нации с космополитичными татарами, капиталистами и фашистами. Еще более радикальные отступления от «генеральной линии», далеко выходящие за рамки авторитарной дозволенности, позволяли себе авторы региональных журналов. В 1982 г. нашумела рецензия М.Лобанова в «Волге» на роман М.Алексеева «Драчуны», в котором он обличал коллективизацию и коммунистическое наступление на русское крестьянство. При всем различии стиля, категоричности и обоснованности этих работ, за ними стояла ясная концепция — русская культура является приоритетной ценностью в сравнении с коммунизмом, и официальные ценности принимаются лишь постольку, поскольку подкрепляют национальное сознание, традицию, величие Отечества. Не удивительно, что выступления патриотических журналов то и дело влекли за собой официальную критику, разбирательства, а иногда — и оргвыводы²³.

Произведения «деревенщиков» в конце 70-х гг. все более критичны. Они показывают моральное разложение, царящее в обществе «развитого социализма», разрушительное воздействие индустриальной машины — «технического прогресса» на человека и природу. Надежду на спасение «деревенщики» видят в сохранении традиций, а не в победной поступи «прогресса». Но эти литераторы не делали политических выводов. Таким же путем пытались двигаться и инакомыслящие писатели других направлений — авторы «Метрополя» (см. Главу IX), — но более решительно и менее успешно. В целом «славянофилы» конца 70-х — начала 80-х гг. были достаточно осторожны, чтобы не потерять массовую трибуну, и в то же время достаточно критичны, чтобы привлекать внимание. Во второй половине 70-х гг. именно писатели патриотического направления имели наилучшие возможности для пропаганды своих воззрений.

Одно из объяснений влияния «деревенщиков» заключается в том, что к ним вплотную примыкали певцы входящей в силу аграрной элиты. И в этом был залог поддержки «сельской тематики» сверху. «...Раздумывая над судьбами лучших сельских руководителей, я прихожу к выводу, что все они

обладали огромным нравственным запасом. Не все они были выдающихся деловых качеств, но совесть их была высшей пробы», — писал, например, И.Васильев²⁴. Как не умилиться правящей аграрной генерации (включая и М.Горбачева) — пусть не всегда можем достичь чего-то, но сельское прошлое дало нам нравственный знак качества. Все, что ни делаем — творим по совести. Обличение аморальности наступления на деревню оборачивалось в сознании аграрной элиты уверенностью в собственном нравственном величии. «Деревенщики», таким образом, воспринимались, несмотря на всю их критичность, как союзники, как «наша» общественность.

Но одной поддержкой сверху влияние «деревенщиков» не объяснить. Почему писатели, резко критиковавшие город, были так популярны не только в деревенской, но и в городской среде? Горожанин, оторвавшийся от корней традиционного общества, от связей с природой, попавший в жернова индустриальной структуры, ощущает все больший дискомфорт. Возвращение на лоно природы в редкие дни отдыха, размышления об исторических корнях переживаемых им больших и малых невзгод (особенно присущие интеллигенции) — нередко приводит к осознанию того, что помимо привычных благ прогресс несет с собой и зло, которое, может быть, важнее сиюминутных преимуществ городской жизни. Отсюда внимание к размышлениям «деревенщиков», их популярность среди городской интеллигенции.

Не только «деревенщики», но и часть либеральной интеллигенции, в том числе и из диссидентских кругов, видело в обращении к традиции возможный выход из идейного «застоя». «Сейчас же, скорее, иное привлекает и вселяет надежду, — писал М.Гефтер в 1979 г., — заново растущий интерес к прошлому, ближнему—дальнему, ко всему, что содержит память, позволяя вступающим в жизнь поколениям разобраться в наследстве, вновь ощутив себя наследниками»²⁵. Какими разными будут эти наследники — и осторожные либералы-западники, и анархисты, и национал-экстремисты, и носители сотен других оттенков мысли сделают свои выводы из исторического опыта.

Поле истории бдительно оберегалось идеологической машиной КПСС. Здесь любой неосторожный шаг мог вызвать скандал. В 1979 г. много шума «наделал» роман примыкавшего к деревенщикам автора исторической беллетристики В.Пикуля «У последней черты». Первые два номера журнала «Наш современник» с этим сатирическим произведением о Г.Распутине, Николае II и придворной жизни кануна революции 1917 г. повлекло за собой специальное разбирательство в ЦК и критические отклики в прессе. Причина высочайшего гнева заключалась в том, что *«вне зависимости от намерений автора, его сочинение подводит к выводу, что самодержавие пало не в результате социальной революции, а саморазложилось, что совпадает с трактовкой буржуазных историков»* (записка заведомо культуры и пропаганды)²⁶. В качестве положительных героев у Пикуля действуют Победоносцев и особенно Столыпин, которому автор приписал просто революционные речи. Докладывая царю о помещиках, герой Пикуля заявляет: «Вот они и живут с земли, которую сосут, угнетая крестьян»²⁷. Таким образом, Пикуль становился на сторону «реакционера», что и было поставлено

ему в вину. Также писатель обвинялся в «натурализме» и «обострении ситуации» в описании «сионистского влияния»²⁸. По всей видимости, имеются в виду сцены подкупа еврейскими магнатами придворных. Впрочем, Пиккуль не распространяется о сионизме, а лишь упоминает о еврейском происхождении одного из ведущих «злодеев» своего повествования И.Мануса. В итоге разбирательства в ЦК публикация романа была продолжена, но сам он был еще раз тщательно отредактирован, а договор на публикацию книжной версии отменен.²⁹

Русские писатели второй половины 70-х гг. далеки в своих выводах от политического радикализма. Рассуждая о причинах нарастающего в стране хаоса, Ф.Абрамов обрушивается не столько на «начальство», сколько на рядового человека: *«Или моя хата с краю, я ничего не знаю? Или как в некрасовские времена: "Вот придет барин, барин нас рассудит"? Все упоования на барина!»*³⁰. Иллюзия народовластия, которая лежит в основе выступлений части «деревенщиков» — мина замедленного действия под давлением государственной машины. Все более вопиющая бесхозяйственность и прогрессирующее падение динамизма системы провоцировало общественность на то, чтобы воспользоваться формальными правами, предоставленными «народу». Но если раньше этим путем шли немногочисленные и никому не известные жалобщики и выступающие против самой общественной системы диссиденты, то теперь на авансцену выходили известные в стране люди, обладающие статусом и не критикующие «социалистический» общественный строй как таковой.

Консерватизм «деревенщиков» был весьма относительным. В.Астафьев заключает свою «Царь-рыбу» словами признания неизбежности перемен: «Переменилась моя родная Сибирь, и все переменялось. Все течет, все изменяется! Так было. Так есть. Так будет». Но симпатии «деревенщиков» не на стороне такого прогресса. И даже противники признают силу их критических аргументов: «Когда критики насмешливо называют их "мужиковствующими" и вспоминают слова Маркса об "идиотизме деревенской жизни", они отвечают, что идиотизм городской жизни еще ужаснее», — писал о «деревенщиках» американский публицист У.Лакер. Он иллюстрирует свою мысль примером В.Белова: «Для Белова, как и для большинства писателей-«деревенщиков», большой город — место враждебное, угрожающее и даже опасное: дома здесь огромные и безымянные, народ холоден и молчалив»³¹. Но увы, большой город опасен не только с точки зрения «деревенщиков», но и объективно — урбанизация усилила проблемы преступности, техногенных катастроф, экологического кризиса, стресса и т.д. «Деревенщики» лишь описали эту «объективную реальность», взглянув на нее со стороны — глазами сельского жителя.

С их сельским романтизмом спорили не только официальные идеологи, но и оппозиционная либеральная мысль. Наиболее последовательно взгляды этого направления изложил в конце 70-х — начале 80-х гг. Г.Померанц.

ПОМЕРАНЦ Григорий Соломонович

1918 г. рождения. Участник Отечественной войны 1941—1945 гг. В 1949—1953 гг. находился в заключении. Автор исследований и эссе по вопросам истории, религии, культуры, философии. Востоковед. С конца 50-х гг. участвует в организации неформальных лекций на гуманитарные темы. Публиковался в самиздате, не прибегая к псевдониму. Участник правозащитного движения. В 1976—1987 гг. запрещен к публикации в СССР³².

Отталкиваясь от западной «социологии развития» Померанц оценивает в качестве модернизации (то есть движения по пути прогресса) «втягивание в отношения, сложившиеся в Европе в 17—19 вв.»³³. Это развитие характеризуется высвобождением науки, искусства, школы из-под контроля религии, дифференциацией социальной структуры и экономики, ростом удельного веса промышленности. *«Модернизация — это ускоренный и непрерывный процесс рационализации человеческих отношений с природой...»*³⁴ Более того, *«если отбросить оценки, то реальное содержание прогресса — дифференциация...»*³⁵ — констатирует Померанц. Цель человечества — дифференциация, распыление его на атомы.

Померанц не приводит достаточных доказательств того, что именно дифференциация всегда отличает более поздние (развитые) общества от более ранних. Таким образом, дифференциация превращается из объективного показателя прогресса в ценностную характеристику. К дифференциации следует стремиться, если есть желание двигаться именно по пути прогресса.

В большинстве случаев «прогресс» происходит не под воздействием внутренних причин, а в результате культурной интервенции. В результате неизбежна «обратная реакция» в странах, «для которых секуляризация сознания, разрушение святынь, распад архаических связей выступает как вторжение чуждой идеологии»³⁶. Таким образом, противодействие «прогрессу», то есть «реакция» опирается на национальные традиции страны. Следовательно, и сами эти традиции реакционны.

Иногда Померанц словно просыпается (или это более поздние вставки в написанный ранее текст?). Он пишет о вторжении западной культуры: «Отчасти это безликий поток суррогатов, изготовленных для массового обихода. По отношению к нему борьба за местную и региональную культуру есть борьба за культуру вообще. Отчасти даже мировая культура остается культурой, но культурой западной, европейской, и невозможно ожидать, что китайцы, индийцы безоговорочно примут ее»³⁷. Так в чем же реакционность, о которой говорилось выше?

Померанц подчеркивает, что западнический взгляд на мир не направлен специфически против российской культуры, «что страны Азии и Африки повторяют многие очень специфические черты русского развития...», и более того, цитирует Р.Беллу: «Германия была первой слаборазвитой страной... почувствовавшей мощное давление к переменам со стороны чуждых ей... западных обществ»³⁸. «Прогресс» имеет своим источником не просто «запад», а ряд стран Европы (прежде всего Великобританию).

Трудно спорить с тем, что на определенном этапе исторического развития Великобритании стала выходить вперед в «соревновании» социумов, после чего большинство стран мира повторяло многие черты британского развития, как до того сама Британия повторяла, например, путь Италии. Но при этом подобное «повторение» часто происходило без непосредственного контакта с лидирующей культурой. Так, например, в России XVII в. развивалась рассеянная мануфактура — несколько позднее, чем в Англии и Голландии, но без существенного влияния с Запада. Япония, «отбив» натиск западных держав в середине XIX в., переняла многие черты западного развития, но стала развивать их совершенно особым, традиционным для себя способом. Все это заставляет усомниться в «реакционности» национальных культур.

Уязвимость «теории модернизации» чувствует и сам Померанц. Он называет идею прогресса «по сути ложной»³⁹, тем самым опровергая утверждения своих противников о том, что продвижение по пути «прогресса» (и одновременно по пути Запада) самоценно для теоретика либерализма. Померанц пишет о мыслителях, для которых Запад представляет безусловный идеал: «Если взять нашедшие в 60-е годы “Ступени роста” Ростоу, то кажется, что они написаны не после Шпенглера, а где-то на Луне, откуда кризис Запада еще не заметили...»⁴⁰ Наиболее глубокие (но далеко не все) теоретики российского либерализма уже заметили кризис Запада. Их ценности достаточно далеки от апологии индивидуализма. «Христос на кресте — символ этических принципов цивилизации в ее повседневной жизни»⁴¹, — пишет Померанц. Но все же модель западного общества, при всех ее недостатках, при всех трудностях перехода к ней — меньше из зол. А для эпигонов Померанца — так и безусловное добро, ибо Христос для них — лишь полезный инструмент воспитания протестантской экономической культуры. Парадоксальным образом даже христианство (как критерий добра) объявляется Померанцем немыслимым на Востоке: «Допустим на минуту, что Христос вочеловечился в Монголии или Скифии. Он мог не угодить жестокому князю и быть казненным; мог прожить до старости (варвары щадят юродивых и безумцев). В обоих случаях его через несколько лет забыли бы»⁴². Эта гипотеза противоречит общеизвестным фактам. Христос проповедовал на территории отнюдь не западной страны, был казнен властями, представлявшими как западную, так и восточную культуру. А затем — в VI—XIX вв. его учение в форме несторианства стало массовым на Востоке (в том числе и на Дальнем). Восточная культура оказалась почти столь же благодатной для адаптированного христианства, как и западная. Игнорируя этот факт, Померанц, при всех оговорках в пользу восточных культур, склоняется к апологии западной.

Западная модель общества и прогресс, связанный с «дифференциацией», ценен для Померанца и других либералов потому, что он (как им кажется) позволяет утвердить принципы индивидуальной свободы. Уровень свободы на современном Померанцу Западе много выше, чем на «Незападе». И автор подчеркивает, что это обусловлено всей историей западной культуры, которая выгодно отличается от истории «незападных» культур: «На Западе на-

учное мировоззрение, развиваясь рядом с религиозными реформами, практически сживается с христианской по происхождению этикой. На Западе внезапно появившаяся наука сталкивается с религией, совершенно не готовой к диалогу»⁴³. Это говорится о временах сожжения Д.Бруно, процесса Г.Галилея, «охоты на ведьм», в том числе и в странах «религиозных реформ». Но Померанц обходит эти «киздержки», иначе его концепция постоянного превосходства Запада над «Западом» может пострадать. Ведь если и колыбель Западной Европы Италия — «Запад», то почему это явление вообще можно называть Западом?

В качестве других особенностей европейской культуры Померанц выделяет неразвитость государства и свободу городов. Эти явления сильно преувеличены, особенно если вспомнить о европейском абсолютизме, стадийно соответствовавшем российскому самодержавию, с которым Померанц сравнивает европейские реальности более ранней эпохи.

Померанц делает вывод: «Подготовка условий капитализма в Европе — результат аномалии европейского общества...»⁴⁴ Без специфических («аномальных») европейских черт культуры развитие после феодализма невозможно. Без «вестернизации» «Запад» обречен на вечный застой. Отсюда двойственное отношение Померанца к преобразованиям Петра, методы которых весьма далеки от либеральных идеалов: «Петр втолкнул Россию в Европу. Он бросил семена европейской культуры, и лет через сто они проросли»⁴⁵. Возникает соблазн так же «не либерально» втолкнуть Россию в Европу еще разок. Несмотря на возможные жертвы и деспотичность методов «вталкивания». Чтобы когда-нибудь потом все же «проросли семена».

Тесная увязка принципа индивидуальной свободы и примера Западной культуры (в значительной степени идеализируемой при этом) определяет неразрывную связь между российским либерализмом и «западничеством». Эта связь еще не была так однозначна в XIX в., когда либерал мог одновременно быть и славянофилом. В 60—70-е гг. осознание опыта российского пути к свободе оттолкнуло либералов от попыток самостоятельного поиска в этом направлении, а почвенников — от увлечения западными теориями (в том числе и теорией приоритета гражданских прав и индивидуальной свободы). И хотя оба лагеря (либеральный-«западнический» и консервативный-«почвеннический») сохраняли более или менее выраженную антикоммунистическую направленность, их противостояние друг другу было не меньшим, а подчас большим, чем противостояние официальной доктрине.

Оба течения связывали бедствия последних десятилетий с явлениями, которые роднят их противника с коммунизмом. «Почвенники» «упирали» на западное происхождение марксизма, антирусский характер большевистской революции. Либералы связывали и большевизм, и «почвенничество» с утопией, указывая на невозможность воплощения в жизнь идеалов и того, и другого⁴⁶. Однако и идеалы либерализма в полном объеме никогда не воплощались в жизнь. Методы проведения «либерализации» часто бывали деспотичны, права человека в странах Запада то и дело нарушались. И даже Померанц, осудивший было идею прогресса, признающий прогресс только в сфере нравственных задач, выносит свой приговор: «Почвенничество как

всякий романтизм фантастично и часто реакционно...»⁴⁷ Реакция — это то, что противостоит прогрессу, который остановить невозможно. «Почвенничество» реакционно потому, что противостоит неизбежной, с точки зрения, Померанца вестернизации и атомизации. И не важно, что почвенники ставят высокие нравственные задачи. Академический тон забыт, и Померанц пишет о «бредовых представлениях, овладевших умом В.Белова и В.Распутина»⁴⁸.

Почвенники подвергались атакам не только со стороны либералов-«западников», но и со стороны оппозиционных официальному курсу социалистов. Так, например, в 1979 г. статья Р.Пименова о выставке И.Глазунова подверглась резкой критике в самиздате со стороны ветерана диссидентского движения и социалистки по взглядам Р.Лерт: «Заявив, что Глазунов “превосходно передал русскую душу”... Пименов уточняет: под русской душой он, Пименов, здесь понимает “строй мыслей и чувств деревенского населения околomosковских областей, ну хотя бы бывшего Владимиро-Суздальского княжества”».

Мне, честно говоря, не понятно, как можно так делить душу русского народа... То есть, я понимаю, конечно, что в ряде научных дисциплин (социологии, экономике, статистике, фольклористике и др.) такое расщепление на области и ареалы обитания вполне обоснованно. Но при чем тут “душа”?... Все же я успела испытать легкое недоумение: обладал ли бессмертной (и национальной) душой обитатель русского севера Михайло Ломоносов и обладают ли ею его земляки, наши современники, — скажем Ф.Абрамов или В.Белов? А Василий Шукшин?...

Но недоумение тут же рассеялось.

“Этнически, — продолжает Пименов сразу же после упоминания Владимиро-Суздальского княжества, — это конечно сплав славянской и финно-угорской крови (меря, весь, чудь), но столь древний, что законно говорить о русской душе”.

Вот тут уже что-то похожее на искренность! Душа народа по Пименову определяется расой, кровью (знакомые слова, не правда ли?). Добиться в конце XX века расовой чистоты трудно (это Пименов понимает). Но он все же настаивает на том, что говорить о русской душе законно лишь в том случае, если эта душа обитает в теле, обладающем достаточно древним “сплавом крови”... К чести ранних славянофилов, нужно сказать, что они, в отличие от тех, кто сегодня претендует на их наследие, сортировки по расовому признаку не производили. Они понимали, что душу нации образует не кровь, а культура — ценность, не упоминаемая Пименовым в его “списке добра”... Национальные характеры существуют, но национальной иерархии нет, кроме как в воспаленных национализмом мозгах... Духовная самоизоляция не способствует, а противодействует самосохранению, жизненной силе и здоровью нации и национальной культуры: в результате такой самоизоляции культура хиреет, становится хрупкой и ломкой»⁴⁹.

Интересно, что Пименов, подвергшийся столь острой критике за национализм, принадлежал к диссидентским кругам, тяготевающим как раз к западной мысли. Жесткой грани между сообществами еще не было.

ПИМЕНОВ Револьт Иванович (1931—1990)

В 1948 году Пименов поступил на дневное отделение математико-механического факультета Ленинградского университета им. А.А.Жданова. Еще в школьные годы у Пименова наметился конфликт с окружающим его советским строем. В институте дело дошло до открытого конфликта — 10 октября 1949 года Пименов подал заявление о выходе из ВЛКСМ «в связи с тем, что мои убеждения расходятся с требованиями, предъявляемыми комсомольцу...». В ответ он был помещен матерью и университетской общественностью в психиатрическую больницу (с 10 ноября по 24 декабря). В феврале 1953 года Пименов был исключен из ВЛКСМ, а 17 апреля и из университета (формальный повод — за шум на лекции и пропуски занятий, реальный — личный конфликт с ректором университета по политическим мотивам), однако вскоре — 20 января 1954 г. — был восстановлен и в июне 1954 года получил диплом.

Параллельно с учебой в университете он работал преподавателем в вечерней школе. Вторую половину 1954 года Пименов провел в продолжительном путешествии по Кавказу. С января по декабрь 1955 года — Пименов работал инвентаризатором в Библиотеке академии наук. С сентября 1955 года преподавал в Ленинградском технологическом институте пищевой промышленности (ассистент кафедры математики). В марте 1956 года размножил на машинке доклад Н.С.Хрущева на закрытом заседании XX съезда КПСС «О культе личности И.В.Сталина» со своими примечаниями. В ноябре 1956 г. написал «Венгерские тезисы». К периоду ноября 1956-марта 1957 года относится его деятельность по созданию подпольной организации для борьбы с советским правительством. Организация занималась написанием и размножением самиздата, а также самообразованием. В нее входили — ближайшие друзья Пименова — Э.С.Орловский, И.С.Вербловская, И.Д.Заславский, группа из Библиотечного института (руководитель Б.Б.Вайль, он же руководил группой в Курске), марксистская группа И.В.Кудровой-В.Л.Шейниса. Важной и новой формой антиправительственной агитации были информационные бюллетени «Информации», которые Пименов составлял на основе информации, полученной от членов организации, а также используя переводы из доступных газет и журналов стран советского блока. Арестован 25 марта 1957 года по обвинению в преступной деятельности, предусмотренной статьями 58 (1011) УК РСФСР. Процесс по делу Пименова проходил в Ленинградском городском суде с 26 августа по 6 сентября 1957 года. Пименов получил 6 лет лагерей, Вайль — 3, К.Г.Данилов (член группы Вайля из Курска) — 2, И.Д.Заславский — 2, И.С.Вербловская (гражданская жена Пименова) — 2. Вину остальных участников подпольной организации следствию доказать не удалось. 7 декабря 1957 года Коллегия Верховного суда РСФСР отменила по протесту прокурора приговор Ленгорсуда «за мягкостью». 4 февраля 1958 года Ленгорсуд в новом составе вынес новый приговор. Всем осужденным квалифицировали обвинение по ст. 58—11. Пименов получил — 10 лет и поражение в правах на три года, Вайль — 6 лет, Вербловская и Заславский по 5 лет, Данилов — 4 года. 20 марта 1958

года Судебная коллегия Верховного суда РСФСР подтвердила приговор Ленгорсуда, и лишь Заславскому срок был снижен до 2 лет. В 1959 году в политических убеждениях Пименова произошел перелом, и он отошел от марксизма. За время отбывания наказания Пименов написал ряд работ по космологии и лингвистике, заинтересовавших видных ученых. По ходатайству некоторых из них — в первую очередь академика М.В.Келдыша и поэта А.Т.Твардовского — постановлением Президиума Верховного Совета РСФСР от 15 июля 1963 года Пименов был 26 июля освобожден условно с испытательным сроком в три года. В 1963—1970 годах работал научным сотрудником Ленинградского отделения Математического института им.Стеклова АН СССР, где вел научный семинар по математическим проблемам теории пространства-времени, читал лекции по геометрии студентам матмеха ЛГУ, защитил кандидатскую (1965 г.) и докторскую (ноябрь 1969 г.) диссертации по специальности геометрия и топология (в связи с арестом докторский диплом был им получен только в конце 1988 г.). Являлся членом Гравитационного комитета, автором книги «Пространства кинематического типа» и многих математических статей. Кроме того, написал несколько исторических пьес и большое количество самиздатских статей, среди которых можно назвать работу «Как я искал английского шпиона Сиднея Рейли» и «Происхождение современной власти». Арестован 23 июля 1970 года в Ленинграде и 22 октября 1970 года осужден (вместе с Б.Б.Вайлем и В.Зиновьевой) Калужским областным судом по 190-1 УК РСФСР к 5 годам ссылки за распространение самиздата (реабилитирован 26.06.1991 г.). Ссылку он отбывал в пос. Краснозатонский близ Сыктывкара, затем в самом Сыктывкаре. С 1972 года и до своей кончины Пименов работал в Коми филиале АН СССР, преобразованном впоследствии в Коми научный центр Уральского отделения АН СССР (занимал должности от младшего до ведущего научного сотрудника). Принимал активное участие в правозащитной деятельности, собирал и передавал материалы в бюллетени «Хроника текущих событий» и «Вести из СССР». В конце 70-х — начале 80-х годов активно сотрудничал с редакцией неподцензурного исторического альманаха «Память» (составлялся в СССР и издавался во Франции), в котором, в частности, были опубликованы фрагменты его воспоминаний. Один из первых переводчиков *fantasi* Дж.Толкиена «Властелин колец».

В 1989 году был доверенным лицом А.Д.Сахарова на выборах народных депутатов СССР, Народный депутат РСФСР в 1990 г.⁵⁰

ЛЕРТ Раиса Борисовна (1906—1985)

Родилась в еврейской семье на Украине. В 1919 г. пережила еврейский погром в Киеве. Исключена из гимназии за отказ приветствовать Добровольческую армию. Участвовала в коммунистическом подполье. В 1922 работает в Москве — в типографии, затем в качестве журналиста в «Правде» и других периодических изданиях. Член КПСС в 1926—1979 гг. В годы войны — контрпропагандист ТАСС. Во время борьбы с «космополитизмом» была безработной, затем вернулась в журналистику. С 50-х гг. активно участвовала в критике культа личности Сталина. В 60-е гг. сближается с правозащитным движением. Вместе с Р.Медведевым выпускала журнал «XX век». После охлаждения отношений с Медведевым участвовала в выпуске журнала «Поиски».

От социалистки Лерт доставалось и «западникам»: «Есть среди них и философы, и экономисты, проповедующие, что спасение России придет не от Христа, не от Мессии, не от Маркса, а от... барыги-спекулянта»⁵¹. Как видим, дискуссии 70-х гг. не носили «умозрительного» характера, и опасности, о которых предупреждали тогда, стали реальностью дня в 90-е гг.

Одним из ключевых в идейно-политических спорах в конце 70-х гг. становится понятие культуры. Какая культурная традиция предпочтительна для дальнейшего развития страны? Почему происходит разрушение культурной почвы? Что (или кто) ей угрожает? В начале 70-х гг. один из теоретиков «почвеннического» течения И.Шафаревич выдвинул версию о том, что угрозу культуре России несет «русофобия», существующая как идеологическая и социальная сила. В систематическом виде взгляды Шафаревича по этому вопросу были сформулированы в книге «Русофобия», которая была написана в 1978—1982 гг., распространялась в машинописных копиях в узких кругах и вышла массовым тиражом уже в период Перестройки, оказав большое воздействие на взгляды «патриотов». В заочный спор с Шафаревичем вступил Г.Померанц — один из авторов, критике взглядов которого посвящена «Русофобия». В своих работах 70-х гг. — начала 80-х гг. он затрагивает те же темы с «космополитической» точки зрения. Несмотря на то, что по мере доработки во второй половине 80-х гг. взгляды Г.Померанца несколько смягчались, противостояние двух авторов от этого не стало менее принципиальным. Во многом их заочный спор лежит в основе идейной борьбы современного либерализма и консерватизма в России⁵².

ШАФАРЕВИЧ Игорь Ростиславович

1923 г. рождения. Математик-алгебраист. В 1937 г. поступил на механико-математический факультет Заочного индустриального института МГУ. С 1946 г. преподавал на кафедре высшей алгебры механико-математического факультета МГУ. В 1947—1960 гг. — старший научный сотрудник Математического института. Доктор физико-математических наук, профессор. С 1960 г. — заведомоделом алгебры Математического института. Член-корреспондент АН СССР (с 1958 года), лауреат Ленинской премии, Лауреат Хайнемановской премии Геттингенской Академии наук. Президент Московского математического общества. Преподаватель МГУ.

В 1971 г. вошел в Комитет прав человека. До этого в Комитет входили А.Сахаров, А.Твердохлебов, В.Чалидзе.

Принимал участие в работе Комитета до 1973—74 годов. Правозащитную деятельность не прекращал и позднее. В середине 70-х — начале 80-х годов Шафаревич пишет свои основные работы, создавшие ему репутацию идеолога национально-православного движения («Обособление или сближение?», «Есть ли у России будущее?» (вошли в сборник «Из-под глыб», Париж, 1974 г.), «Заявление о сборнике “Из-под глыб”», «Социализм в мировой истории» (Париж, 1977 г.) и «Русофобия». Его работы сразу же вызвали критику в кругах демократически настроенной интеллигенции (например, статья Ю.Даниэля «Открытое письмо в ответ на Заявление Шафаревича “О сборнике “Из-под глыб”»

от 20 января 1975 года, в защиту права на эмиграцию для деятелей русской культуры).

В мае 1978 года Шафаревич дал интервью корреспонденту газеты «Франкфуртер Альгемайне Цайтунг». На вопрос, к какой общественной и политической альтернативе нынешней системе он склоняется, Шафаревич ответил: «Что нам нужно — это максимум духовных изменений при минимуме изменений внешних... Нужен возврат к Богу, к своему народу, ощущение общенациональных целей и чувство ответственности перед историей и будущим своей страны».

Член редколлегии журнала «Наши современники»⁵³.

Книга Шафаревича «Русофобия» стала реакцией на целую серию статей в диссидентской и зарубежной прессе, квинтэссенция которых выражена в словах В.Горского: «Первая и главная задача России — преодолеть национально-мессианское искушение. Россия не может избавиться от деспотизма, пока она не избавится от идеи национального величия. Поэтому не “национальное возрождение”, а борьба за свободу и духовные ценности должна стать центральной творческой идеей нашего будущего»⁵⁴.

У.Лакер считает, что Шафаревич «обрушивается на эмигрантские журналы, о которых вряд ли слышал хоть один на тысячу русских»⁵⁵. Однако прием Шафаревича оправдал себя — он предвидел, что точка зрения, изложенная несколькими самиздатскими и тамиздатскими авторами, содержит в эмбрионе идеологию, которая овладеет умами значительной части интеллигенции СССР.

Шафаревич так суммирует взгляды этого течения: «Историю России, начиная с раннего средневековья, определяют некоторые “архетипические” русские черты: рабская психология, отсутствие чувства собственного достоинства, нетерпимость к чуждому мнению, холуйская смесь злобы, зависти и преклонения перед чуждой властью». К этим же чертам относятся русский мессианизм и ксенофобия. «Сталин был очень национальным, очень русским явлением, его политика — это прямое продолжение варварской истории России». Рецепт, предлагаемый оппонентами Шафаревича — изменение культурной структуры России и «построение общества по точному образцу современных западных демократий»⁵⁶.

Эта характеристика основана лишь на наиболее радикальных высказываниях «западников». Взгляды Г.Померанца, например, гораздо более взвешены. Но и он считает: «Когда нужно сделать выбор между империей и свободой, русский человек обычно выбирает империю»⁵⁷. Из этого «правила» немало исключений — 1905 год, февраль 1917 года, голосование в Учредительное собрание. А часто ли у русского народа была возможность выбирать? Важно и другое — империя как форма государственности пользовалась немалой популярностью и у европейских народов — включая англичан, испанцев и французов, чьи империи превосходили по территории Россию. Достаточно почитать Р.Кипплинга, чтобы усомниться в категорическом утверждении Померанца: «В странах, в которых неудержимо пошло Новое время (в Англии, Голландии), имперской идеи не было»⁵⁸. Принципиальный

вопрос не в том, выбирали ли русские когда-нибудь несвободу, а в ином — является ли склонность к такому выбору отличительной особенностью русской культуры в сравнении с европейской.

Слова, позволившие Шафаревичу выдвинуть свои обвинения «западничеству», действительно были сказаны, и комплекс взглядов, прорывавшийся через них, продолжает существовать как распространенное явление до сих пор. В целом дискуссия «западников» и «почвенников» к началу Перестройки была проведена «вничью». Обе стороны чувствовали себя победителями и продолжали спорить — опровергая тем самым вывод о победе. «Западник» А. Янов нашел специфическое объяснение этого парадокса: «Их (“почвенников” — *А.Ш.*) интеллектуальное поражение могло быть обращено в победу только в союзе с государством»⁵⁹. Поскольку говорить об интеллектуальном поражении оппонентов западничества в середине 80-х гг. не приходилось, эта мысль отражает скорее эволюцию тактики противостоящих сторон. Они все явственнее осознавали, что победа может быть достигнута не столько на поле аргументов, сколько — в недрах правящей элиты. Кто окажется сильнее — вдохновляемые почвенниками консерваторы-державники или пропагандируемые западниками и социалистами «либералы»? От этого зависел выбор стратегии реформ в 1983—1986 гг.